

Ю.Л. САПОЖНИКОВА
(Смоленск)

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ФОРМЕ
ПАРОДИИ В «БЕГСТВЕ В КАНАДУ»
И. РИДА**

Рассматриваются эксперименты И. Рида с литературной формой, которые показывают, что произведение является не отражением действительности, а лишь пародией на нее.

Ключевые слова: *афроамериканская литература, «Бегство в Канаду», постмодернизм, пародия, повествования рабов.*

В настоящее время афроамериканская литература вызывает большой интерес среди читателей и критиков, о чем свидетельствует, например, присуждение Нобелевской премии по литературе Т. Моррисон, одной из ярчайших представительниц этого направления американской литературы. Однако в российском литературоведении многие значительные произведения данной этнорасовой эстетической традиции остаются практически неисследованными. К их числу относится роман «Бегство в Канаду» Ишмаэля Рида (1976). Это произведение принадлежит к жанру «новые повествования рабов» и рассказывает о времени рабства, но пишет автор в манере постмодернизма. В своей книге «Постмодернистский удел» Ж.-Ф. Лиотар определяет постмодернизм как «недоверие к “метарассказам”». «Метарассказом» он обозначает все те «объяснительные системы», которые, по его мнению, организуют буржуазное общество и служат для него средством самооправдания: религию, историю, науку, психологию, искусство и т.д., легитимирующие, объясняющие и «тотализирующие» представления о реальности [3, с. 263 – 264]. Главным признаком постмодернистского сознания становится его кризисный характер, отмечаемый всеми исследователями данного явления. Например, теоретик постмодернизма И. Хассан говорил о «кризисе веры» во все существовавшие раньше ценности (Там же). В соответствии с этим своей основной задачей И. Рид считает противостояние «повествованиям господ» (“master narrative”), которые фиксируют некую официальную точку зрения на разные события истории.

В системе постмодернистской мысли создается «особое видение мира, в рамках кото-

рого бытие предстает как жизнь языка» [2, с. 116]. Реальность определяется словами, выбранными для ее описания, другими словами, она – функция дискурса, который ее артикулирует. Теоретики постмодернизма считали, что единственным способом познания является рассказывание историй, т.е. опора на слово. Согласно концепции Ф. Джеймсона, например, «все воспринимаемое может быть освоено человеческим сознанием только посредством повествовательной фикции, вымысла; иными словами, мир доступен человеку лишь в виде историй, рассказов о нем» (цит. по: [1, с. 94]). Однако такие рассказы/истории в постмодернизме приобретают свои специфические черты, главной из которых становится интертекстуальность (термин, введенный Ю. Кристевой). Текст понимается как пространство со многими измерениями, в котором смешиваются и сталкиваются мириады неоригинальных текстов; это ткань цитат, изъятых из огромного количества центров культуры [6]. При таком понимании интертекстуальности целью произведения становятся не обмен идеями и выражение нового смысла, навеянного диалогом с чужими текстами, а простое означивание, языковая игра с этими предшествующими культурными артефактами. Г.Л. Гейтс выделяет два вида интертекстуальности, характерных для темнокожих писателей: мотивированное (пародия) и немотивированное (пастиш) означивание. В первом случае в новом тексте пересматривают старый в некоем подобии устного ритуала внимательного прочтения, стараясь таким пересмотром стереть старый текст, освободив себе пространство для повествования. В случае немотивированного означивания используется пастиш, при котором новый текст пересматривает старый как акт почтения. В этом типе интертекстуальных отношений в отличие от предыдущего отсутствует негативная критика старого текста, особое внимание уделяется единству и схожести предшествующего и последующего произведений. Пародия преувеличивает какие-то характеристики имитируемого произведения, а пастиш представляет собой название/перечисление литературной истории, подчеркивание интертекстуальных отношений [5].

В своем романе И. Рид использует пародию. В первую очередь писатель пародирует белых авторов, которые, по его мнению, соответствовали духу Юга и самих южан: В. Скотта, А. Теннисона, Э. А. По и др. А. Теннисон

и В. Скотт, как известно, предпочитали погрязнуть в славное прошлое, первый – в воспоминания о своем безвременно ушедшем друге, второй – в историческое прошлое своей родины, в далекое средневековье. А этот уход в прошлое подразумевает для Рида отказ видеть настоящее, а значит, и заниматься его улучшением. Следовательно, произведения этих авторов могут сослужить хорошую службу лишь рабовладельцам, привыкшим описывать Юг как землю обетованную, вневременной идеал благоденствия и процветания. Неудивительно, что стихи Теннисона цитирует рабовладелец Артур Свилл в подтверждение собственных слов о прелестях жизни на Юге: *We have a delightful life down here, Abe. A land as Tennyson says 'In which it all seemed always afternoon. All round the coast the languid air did swoon. Here are cool mosses deep, and thro the stream the long-leaved flowers weep, and from the craggy ledge the poppy hang in sleep.'* Ah. Ah. 'And sweet it is to dream of Fatherland. Of child, and wife and slave. Delight our souls with talk of Knightly deeds. Walking about the gardens and the halls (25)*.

На удачную манипуляцию стихами английского поэта указывает хотя бы тот факт, что Артур Свилл выдает весь стихотворный текст как единое целое, хотя мы имеем дело с отдельными строчками из трех разных стихотворений, т.е. перед нами яркий пример использования искусства как средства пропаганды. Но И.Рид иронизирует над таким превращением стихов в идеологическое оружие и достигает этого эффекта с помощью юмора, а иногда и сарказма. Так, строчки *A land... In which it all seemed always afternoon. All round the coast the languid air did swoon...* и *"And sweet it is (was) to dream of Fatherland. Of child, and wife and slave...* взяты из стихотворения "The Lotos-Eaters". В нем говорится о моряках, которые попали на далекий остров, и местные жители накормили их экзотическими фруктами, после чего моряки не то спали, не то бодрствовали и говорили голосами будто бы из могилы, но, главное, они поняли, что никогда больше не вернуться на родную землю (этот образ восходит к 9-й песне «Одиссеи» Гомера, где моряки, отведав цветки лотоса, потеряли память и отказались от отчизны, решив остаться в новой стране). Таким образом, эти строки используются И.Ридом сатирически, т. к. столь воспеваемая Свиллом страна становится

для африканских невольников, как и для моряков в стихотворении Теннисона, ужасным экзотическим островом, с которого нет возврата. Строчки *Here are cool mosses deep, and thro ... the stream the long-leaved flowers weep, and from the craggy ledge the poppy hang in sleep* взяты из стихотворения "Choric Song", в котором после такого мирного описания природы следуют стенания о печальной доле человека, вынужденного много и тяжело трудиться (to toil) и стонать под грузом нескончаемой череды горестей. Соответственно, и здесь И. Рид с изрядной долей иронии словами Теннисона говорит о тяжелой доле рабов в этой стране благоденствия белых. Наконец, строчки *... Delight our souls with talk of Knightly deeds. Walking about the gardens and the halls* взяты из стихотворения "Morte d'Arthur", описывающего последние мгновения жизни короля Артура после битвы, в которой он и большинство его рыцарей были убиты или смертельно ранены. Понимая, что настал его смертный час, Артур с горечью говорит своему верному товарищу, что уже больше никогда они не смогут гулять по этим садам и залам и услаждать свои души разговорами о рыцарских подвигах. Таким образом, И. Рид показывает, что Свилл намеренно полностью искажает смысл стихотворения Теннисона, ведь он не может заявить о конце эры Артура, эры рыцарей и их прекрасных дам, бесед и прогулок, всего того, что является тем искусственно создаваемым образом Юга, который остается главным оправданием существования рабства. Ведь все разговоры о прекрасном – это лишь красивая завеса над тем, что скрывается за этой жизнью (якобы эстетически наполненной – красотой, благородством, высоким искусством), а именно – угнетение рабов, пытки и даже убийства.

По этой же причине Артур Свилл и другие рабовладельцы часто цитировали и В. Скотта, который воспевал историю своих предков, описывал героические сражения, борьбу за независимость и восхвалял героев, восставших против завоевателей. И хотя писатель описывал разные слои населения, чаще всего главными героями, смелыми и благородными, становились представители знати, рыцарства, которых В. Скотт часто идеализировал. В романе «Айвенго», например, создается идеализированный образ короля Ричарда, который изображен как благородный рыцарь и смелый воин, хотя в исторических документах Ричард часто изображается по-другому – грубым и жестоким, т.е. мы опять сталкиваемся с использованием искусства как средства пропаганды

* Здесь и далее цитирование с указанием страниц ведется по: Reed, Ishmael Flight to Canada. N.Y. : Simon&Schuster Inc., 1998.

и создания нужного образа. В произведении И. Рида дана цитата В. Скотта из романа «Айвенго»: *What the American Arthurians couldn't win on the battlefield will now be fought out on the poetry field. Lincoln, the Saxon chief, is slain.* <...> *"Anglo-Saxon was abandoned to the use of rustics and hinds, who knew no other," Sir Walter Scott said. Sir Scott (141).*

В этом отрывке из романа В. Скотта речь шла о языках, французском и англосаксонском. Весь двор говорил исключительно на французском, кроме того, этот язык использовался и в суде, т.е. французский, по словам писателя, был языком благородного рыцарства и правосудия. Простые люди, сельские жители и батраки, говорили на англосаксонском. Вплетение в собственный текст именно этого отрывка дает И. Риду возможность затронуть тему языка как оружия. Ведь в Америке во времена рабства только слова рабовладельцев имели вес в политике и могли быть услышаны в суде (общеизвестным является тот факт, что рабы не имели права свидетельствовать в суде), но, кроме этого, для создания и сохранения собственной идеологии белые хозяева стали прибегать и к поэтическому слову, которое помогало им создавать ложный образ Юга как земли обетованной.

Другая претензия, которую автор «Бегства в Канаду» предъявляет белым писателям, связана с незнанием ими того, о чем они пишут, их погруженностью в свои теории, философско-поэтические эксперименты и в вымышленный идеальный мир. Такой упрек адресован, например, У. Уитмену, который философствует о том, что необходимо слиться с природой, но в отличие от рабов не понимает, что это означает. Рабов принуждают слиться с природой против собственной воли, когда приравнивают их к неодушевленным объектам: *Isn't it strange? Whitman desires to fuse with Nature, and here I am, involuntarily, the comrade of the inanimate, but not by choice (63).*

Кроме того, в лице Уитмена (который хотя и был противником рабства, но выступал против крайних, насильственных мер в этом вопросе и воспевал Линкольна как великую историческую фигуру) И. Рид иронизирует над теми писателями, которые в своих стихах провозглашают радикальные идеи, выступают как бунтари против всего существующего, а в реальности не решаются идти против сильных мира сего и их решений и четко следуют всем правилам социального устройства. Для подтверждения этой идеи И. Рид включает в свой текст отрывки из стихотворения У. Уитмена

“Respondez” и своими комментариями показывает, насколько действия поэта противоречили его поэтическому слову. В этом стихотворении Уитмен призывает встряхнуть этот мир, поставив в нем все с ног на голову, поменяв все предписанные роли, однако в жизни, получив приглашение на прием в Белый дом, он не бунтует, а просто идет туда и ведет себя в соответствии со всеми правилами этикета: *Walt Whitman was there. He had written a poem called "Respondez", in which he had recommended all manner of excesses... "Let murderers, bigots, fools, unclean persons offer new propositions!" And now, here he was as Lincoln's guest in the White House. In the same poem he had written: "Let nothing remain but the ashes of teachers, artists, moralists, lawyers and learned and polite persons." I guess he was talking about himself, Quickskill thought, because there he was, as polite as he could be, grinning, shaking the hands of dignitaries (83).*

Кроме того, И. Рид во многом критикует и сам жанр афроамериканской литературы – повествования рабов. Пустой фикцией оказывается в романе И. Рида конечная цель, к которой стремились беглые рабы во всех повествованиях. Север в повествованиях рабов, ставший Канадой у Рида, изображен в «Бегстве в Канаду» как место, где избивают и преследуют негров, где им отказывают в жилье, где их детям не дают ходить в достойные школы. Поэтому столь отчетливыми являются саркастические нотки, когда И. Рид цитирует отрывок из произведения «Наброски из истории “подпольной железной дороги”...» Э. Петита (“Sketches in the history of the Underground Railroad...” by Eber M. Pettit, 1879), в котором описывается момент ликования беглых рабов, впервые ступивших на землю Канады. Чтобы создать подобный эффект, писатель предваряет этот отрывок передачей чувств своего героя, Рейвена, который кроме усталости и опустошения ничего не чувствует. Эти чувства легко объяснимы: ему пришлось долго бегать от преследователей, поэтому он устал; он расстался со своей возлюбленной, что вызвало горечь и тоску. По мысли И. Рида, эти чувства и должны быть характерны для всех, кто прошел тот же путь, что и Рейвен, но беглые рабы в повествованиях первых темнокожих писателей испытывали исключительно ликование, которое для усиления эффекта иронии автор «Бегства в Канаду» пишет с большой буквы.

Будучи автором XX в., И. Рид предпочитает экспериментировать с формой и создавать постмодернистские произведения, в ко-

торых он творчески использует чужие тексты для создания своей картины мира, а также для пересмотра и переоценки традиции и канонов. С одной стороны, он показывает свою зависимость от канона через использование последнего, с другой стороны, он также и протестует против всего традиционного и канонического через его ироническую эксплуатацию. Эта манера писателя отражает его активное отношение к классическим формам и желание вскрыть их условность, таким образом И. Рид показывает, что произведение не является отражением действительности, а лишь пародирует ее.

Кроме того, обращение к традициям (посредством классических текстов) предполагает интерес к истории, которая, согласно постмодернизму, доступна нам лишь через различные тексты и дискурсы. История переосмысливается иронически, Л. Хатчеон называет такое представление истории через пародию «повторением с критическим отличием» (цит. по: [6, с. 130]). Постмодернизм отрицает обобщающий взгляд на историю, для него характерна контрстория, которая вмешивается в исторический процесс, а не просто протоколирует его. Такое вмешательство является целью постмодернистской литературы, которую Хатчеон называет «историографической металитературой» (Там же, с. 150). Авторы таких произведений отказываются просто записывать все, как оно было, а играют активную роль в интерпретации истории, они создают и исследуют прошлое, участвуют в нем. Они призывают читателя признать, что лишь писатели и читатели вместе создают значение и наделяют им все написанное и произошедшее (Там же). Таким образом, главной целью

И. Рида в романе «Бегство в Канаду» становится иронический пересмотр официальной истории. И. Рид смотрит назад, в прошлое, чтобы идти вперед, достигнув благодаря обретению нового видения этого прошлого большей целостности внутреннего мира. Ведь, как известно, то, как мы постигаем прошлое, определяет наше будущее. И. Рид хочет создать будущее, в котором люди не полагаются на стереотипные, закрепленные традициями представления, а сами ищут ответы на все вопросы.

Литература

1. Ильин И.П. Постмодернизм: От истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М. : Интрада, 1998.
2. Сильницкий Г.Г. Постмодернизм и синергетика: два подхода к проблеме возникновения нового // Изв. Смол. гос. ун-та. 2008. № 1. С. 115 – 131.
3. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины : энцикл. справочник. М. : Интрада-ИНИОН, 1996.
4. Digitale Bibliothek 3.41. DB Band 59: English and American Literature.
5. Gates H.L. The signifying monkey: a theory of Afro-American literary criticism. N.Y. : Oxford University Press, 1988.
6. Marshall B.K. Teaching the postmodern: fiction and theory. N.Y. : Routledge, 1992.

Intertextuality in the form of parody in the novel “Flight to Canada” by I. Reed

Reed's experiments with literary forms showed up that a literary work isn't reality's image but its parody.

Key words: *afro-american literature, “Flight to Canada”, postmodernism, parody, slave narratives.*

